

стоятельный разряд ономастической лексики – гемеронимы, т.к. они обладают основным свойством имени собственного – способностью к индивидуализации, однако наличие у них таких свойств, как частая изменяемость, семантическая прозрачность, искусственность создания и включенность в рекламную коммуникацию, определяет периферийное положение гемеронимов в ономастическом пространстве. Исследование данных свойств на контрастивном, неблизкородственном материале – российских и британских названиях – показывает универсальность основных лингвистических характеристик гемеронима и открывает перспективы для их дальнейшего сопоставительного исследования.

Литература

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М. : Просвещение, 1983.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М. : Яз. рус. культуры, 1998.
3. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.
4. Горяев С.О. Номинативные интенции субъекта ономастической номинации (на материале русских прагмонимов) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
5. Кравец Т.И. Название газеты: ономастический и стилистический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
6. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград : Перемена, 2004.
7. Матвеев А.К. Топономастика и современность // Вопр. ономастики. Свердловск, 1974. №8 – 9.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988. С. 46 – 61.
9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973.

Hemeronym linguistic status (based on Russian and British mass media)

There is defined the mass media titles position in onomastic language subsystem. There are marked out hemeronym's characteristics letting them refer to onomastic vocabulary as well as define their peripheral position in onomastic space.

Key words: *hemeronym, onomastic space, artificial and natural nominations, onomastic periphery.*

ЮЙ ШЭНБО

(Китай, Дэчжоу)

ФРАЗЕМООБРАЗОВАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАТОЛОГИИ (на материале русского и китайского языков)

Рассматриваются вопросы сопоставительного фразеомообразования, которые ни в русистике, ни в китаистике системно не разрабатывались. Предпринимается попытка осмыслить сущность таких фразеомообразовательных процессов, как первичная и вторичная транспозиция на фоне структурного своеобразия русских и китайских фразем.

Ключевые слова: *фразеомообразование, транспозиция, фразеомообразовательная база, фразеосхема.*

В современной лингвистике не существует единой точки зрения на предмет и объекты фразеологии (см. [2]). Тем не менее можно выделить наиболее эффективный принцип изучения образования фразеологических единиц (ФЕ). В его основе лежит использование внутренней зависимости между составляющими компонентами, что и создает семантическую несамостоятельность компонентов ФЕ, отмечается также ограничение их сочетаемости. В связи с таким подходом фразеомообразование рассматривается нами как наука о различных моделях устойчивой сочетаемости лексем, приводящей к возникновению ФЕ. Поскольку любая устойчивая сочетаемость лексем является уникальным фактом языка, она должна рассматриваться как предмет особой сопоставительной дисциплины в рамках общей фразеологии, изучающей закономерности фразеологической деривации в разнотипных языках, какими являются русский и китайский языки. Такой дисциплиной мы и считаем сопоставительное фразеомообразование, или сопоставительную фраземодериватологию.

Методологическим основанием сопоставительного фразеомообразования служит понимание сущности фразеологической деривации, опирающееся на внутривидовое моделирование ФЕ. «Внешние» же по отношению к фразеологической деривации признаки выступают ее экстралинг-

вистическим фоном, важным, но все же внеязыковым стимулом образования ФЕ.

Теоретическое обоснование такого подхода было заложено в свое время В.Л. Архангельским [4]. Выдвинутый им на первый план механизм детерминативной зависимости между словами-компонентами позволяет четко определить рамки фразеомообразовательного материала русского и китайского языков, поскольку наличие детерминативной зависимости на лексико-семантическом уровне анализа служит существенным категориальным признаком любой ФЕ. К тому же аналогичные отношения устойчивой сочетаемости были обнаружены и у единиц других ярусов русского языка: между морфемами в составе слов, между синтаксическими единицами в составе более сложных конструкций.

Механизм детерминативной зависимости между словами-компонентами «работает» прежде всего на уровне синтаксиса словосочетания и предложения. В связи с этим даже возникло понятие «синтаксический фразеологизм», под которым обычно понимается сочетание слов, в основе которого лежит строго фиксированное употребление грамматических форм, причем общее значение этой комбинации, их общее грамматическое значение как бы не вытекает из значений составляющих форм, не мотивировано ими. Все это приводит к фразеологизации синтаксической схемы и появлению важного для фразеомообразования понятия – «фразеосхемы».

Итак, для изучения закономерностей фразеомообразования важно изучать метаморфозы, происходящие в структуре фразеомообразовательной базы. Но для этого нужно исследовать структуру этих образований как в семантическом, так и грамматическом плане (В.В. Виноградов). Не менее важно проследить соотношенность разных форм ФЕ в синхроническом и диахроническом планах. Только этим путем можно выявить закономерности сложения смыслов, дающих не сумму смыслов, а новые смыслы, на что указывал Л.В. Щерба.

Среди проблем, привлекающих внимание российских ученых (см. работы В.В. Виноградова, А.В. Кунина, Ю.Ю. Авалиани, Л.И. Ройзензона, В.Л. Архангельского, Ю.А. Гвоздарева, И.И. Чернышевой, А.Г. Назаряна, Н.Ф. Алефиренко и др.), следует выделить в отдельную область сопоставительное фразеомообразова-

ние, которое до сих пор остается в нашей науке одним из наименее изученных. Под сопоставительным фразеомообразованием следует понимать сопоставление механизмов создания ФЕ разных языков как знаков косвенно-производной номинации.

Проблема сопоставительного фразеомообразования ни в русистике, ни в китайистике до сих пор систематически не разрабатывалась. Такие важнейшие ее аспекты, как системность фразеомообразовательных процессов, закономерности образования ФЕ, еще не стали объектом специального анализа. Традиционно в решении вопросов фразеомообразования русского языка некоторые авторы ограничиваются общей теоретической трактовкой отдельных процессов фразеомообразования (переосмысления, лексического ослабления значений компонентов, архаизации, эллипсирования, народноэтимологического переформления или искажения). Наряду с этими процессами сопоставительное фразеомообразование предполагает проведение более тщательного и более тонкого анализа закономерностей образования ФЕ, требует более конкретного осмысления сущности таких основных процессов, как первичная и вторичная транспозиции, вскрывающие специфику формирования ФЕ в каждом из сопоставляемых языков. Следует, на наш взгляд, исходить из того, что механизм фразеомообразования в русском и китайском языках отличается разной этапностью и наличием как общих, так и частных транспозиционных схем. Они универсальны по своей природе только в рамках системы одного языка (например, все ФЕ русского языка образуются в соответствии с одними схемами, а ФЕ китайского языка образуются по другим транспозиционным схемам).

Принимая во внимание определение ФЕ, выдвинутое Н.Ф. Алефиренко [1] (ФЕ определяется как косвенно-производная раздельнооформленная единица с частично или полностью преобразованными лексическими компонентами), мы исходим из того, что процессы фразеомообразования – основной источник развития фразеологических подсистем русского и китайского языков, которые систематически пополняются за счет нестандартного сочетания единиц основных лексико-грамматических разрядов. Как показало сопоставление фразеомообразовательных механизмов рус-

ского и китайского языков, порождение ФЕ характеризуется как общими, так и отличительными национально-языковыми особенностями.

Основу нашего сопоставительного анализа процессов фразеоморфоза в русском и китайском языках составляет понятие транспозиции (языковая универсалия, выявленная в начале века Ш. Балли). Широкое понимание термина «транспозиция» (см. работы Ш. Балли, А. Фрея, Л. Гильбера и В.Г. Гака) подразумевает использование языковых знаков в не свойственных им функциях и значениях. Подобный принцип в применении к переменным (свободным) сочетаниям дает возможность проникнуть в суть фразеоморфозных процессов каждого из сопоставляемых языков, изучить обусловленные национально-языковой спецификой русского и китайского языков особенности формирования знаков косвенно-производной номинации.

Анализ путей возникновения ФЕ в русском и китайском языках позволяет выделить в них два подвида транспозиции – первичную и вторичную. Под первичной транспозицией понимается процесс формирования ФЕ посредством перехода переменных сочетаний (предложений) нефразеологического характера во ФЕ. Механизм первичной транспозиции заключается в семантическом или семантико-синтаксическом преобразовании исходного переменного сочетания или предложения, при котором фразеологический дериват сохраняет структуру исходных сочетаний слов. Ср.: *песок сыплется* из чего, откуда, как (свободное словосочетание) и *песок сыплется* из кого ‘кто-либо очень стар, дряхл’. В процессе первичной транспозиции исходное переменное сочетание становится устойчивым образным сочетанием фразеологического характера в силу семантического преобразования переменного сочетания и формирования единого образного семантического целого в результате «совмещенного видения двух картин» [5, с. 110]. Именно первичная транспозиция является наиболее универсальным процессом, ведущим к образованию большей части ФЕ русского языка – устойчивых образных сочетаний. Ср. в китайском языке: 不劳而获 ‘получить, не работая; получать выгоды без затраты труда; нетрудовой (о доходах)’. Если категориальные измене-

ния исходных сочетаний не всегда носят системный характер, семантические изменения при первичной транспозиции характеризуются регулярностью.

Сопоставление значений многих первичных ФЕ дает возможность выделить в первичной транспозиции такие формы, как видовая и гнездовая. Под видовой транспозицией понимается существование коррелятивных пар первичных вербальных ФЕ (*плевать в глаза кому* и *плюнуть в глаза кому* ‘выражать (выразить) крайнюю степень презрения, неуважения к кому-либо). Широта подобного подхода дает возможность относить к видовой транспозиции вербальные ФЕ, называющие разные стадии действий или процессов. Другой распространенной формой первичной транспозиции является гнездовая, охватывающая преимущественно субстантивные ФЕ: *ветренная голова, буйная голова, голова еловая, голова садовая, дубовая голова, дурья голова, забубенная голова, пролетная голова, пустая голова*. Некоторые ФЕ формируются на основе переменных сочетаний, обязательно включающих один объединяющий их компонент, что и обуславливает само название – «гнездовая транспозиция». Видовая и гнездовая формы характерны именно для первичной транспозиции, т.к. семантический аспект является основным при реализации перехода переменных сочетаний во ФЕ. Существование названных форм первичной транспозиции подтверждает упорядоченность этого процесса, его системный характер и показывает основные тенденции развития фразеологических подсистем русского и китайского языков в явлении преобразования переменных сочетаний.

В процессах транспозиции ФЕ характеризуются константностью компонентного состава ФЕ, его ограниченной вариантностью и избирательностью лексико-грамматической сочетаемости. Для ФЕ русского языка наиболее типичными являются сочетания:

1) прилагательного (местоимения, порядкового числительного) и существительного (*абсолютный нуль, мышинная возня, белое пятно, заключительный аккорд, шукура барабанная, бабье лето, лиха беда, аннибалова клятва, арабские сказки, задним числом, целую вечность, наша сестра, своим порядком, первые шаги, вторая молодость*);

2) существительного в именительном падеже с существительным в родительном

падеже (*слуга народа, узы дружбы, подруга жизни, дом отдыха, муки творчества*); одно из существительных может определяться прилагательным (последний крик моды);

3) существительного в именительном падеже и существительного с предлогом (*баш на баш, буква в букву, путевка в жизнь, голова на плечах, двор о двор, дверь в дверь, кровь за кровь, кровь с молоком, море по колено, ноль без палочки, нож в спину*);

4) предлога, прилагательного и существительного (*за длинным рублем, от доброго сердца, в добрый час, до гробовой доски, с открытой душой, за милую душу, до последнего дыхания, в ежовых рукавицах, с единого маху, от всей души*);

5) предложно-падежной формы существительного и существительного в родительном падеже (*до корней волос, в порядке вещей, до конца дней, на вес золота, со дна моря, на злобу дня*);

6) предложно-падежных форм существительных (*с глазу на глаз, с места в карьер, с минуты на минуту, без царя в голове, из уст в уста, с головы до пят*);

7) глагола с существительным (с предлогами и без) (*становиться в тупик, стереть в порошок, плыть по течению, повергать в прах, плясать под дудку, ставить на карту, намылить шею, иметь дело, обливать помоями, помянуть добром, пялить глаза, смежить очи*);

8) глагола и наречия (*лететь стрелой, видеть насквозь, попасть впросак, выворачивать наизнанку, перевернуть вверх тормашками, смотреть сверху вниз, разбиться вдребезги*);

9) деепричастия и существительного (*невзирая на лица, спустя рукава, сложа руки, засучив рукава, кладя руку на сердце, на ночь глядя, не говоря худого слова*);

10) слов при помощи сочинительных или подчинительных союзов (*альфа и омега, ни бе ни ме, ни дна ни покрышки, дешево и сердито, судить да рядить, то густо, то пусто, если бы да кабы, как горькая редька, как небо от земли, хоть бы хны, хоть бы что*).

Некоторые конструкции могут иметь частицы *не* или *ни*: *не давать прохода, не от мира сего, не по нраву, не к ночи будет сказано, не нюхать пороха, не по зубам, не иголка, ни в зуб ногой, ни в одном глазу, ни на йоту*.

В отличие от русского для фразеоморазования китайского языка характерны двучленные структуры.

1. Оба звена строятся по правилам параллелизма (основой является грамматическая, семантическая и фонетическая парность). Грамматическая парность заключается в однотипном синтаксическом построении звеньев (структурная парность); при этом соотносимые компоненты фразеологизма (1 – 3, 2 – 4) всегда принадлежат к одной части речи: 苦尽甘来 – *на смену неудаче приходит удача (горькое иссякнет, сладкое придет)*, 苦 – подл. (сущ.), 尽 – сказ. (гл.), 甘 – подл. (сущ.), 来 – сказ. (гл.). Параллелизм проявляется также в том, что семантически попарно связываются слова из разных звеньев (1 – 3, 2 – 4), которые входят в одно семантическое поле (или ЛСГ), образуя семантическую пару. Так, в приведенном выше примере 1-й и 3-й компоненты (苦 – *горькое*, 甘 – *сладкое*) – антонимы, а антонимы входят в 1-ю понятийную ассоциацию. Вторая пара – 2-й и 4-й компоненты (尽 – *иссякать*, 来 – *приходить*) – образована также из антонимов. Семантическая парность строится на а) антитезе с помощью антонимов, б) тождестве с помощью синонимов, в) аналогии с помощью аналогов, т.е. слов, входящих в 1-ю понятийную ассоциацию, не связанных антонимичными и синонимичными отношениями: 金 – *золото* и 玉 – *яшма*; 鸡 – *петух* и 狗 – *собака*, на базе которых образуются целые серии ФЕ. Ср: 1) 金口玉牙 – *знать цену своим словам (золотой рот, яшмовые зубы)*; 2) 金 и 玉 – аналоги из ассоциации «драгоценные металл, камни», 口 и 牙 – аналоги из ассоциации «части тела»; 3) 天高气爽 (*небо чисто, воздух свеж*) – «отличная погода, бархатный сезон»; 4) 七扭八歪 (*семь раз перекрученный, восемь – искривленный*) «перекоситься, искривиться».

2. ФЕ этой группы не подчиняются лексико-грамматическим ограничениям: допускаются самые разнообразные построения по синтаксической структуре и лексическому составу, возможно использование служебных слов, в их составе встречаются союзы, предлоги, отрицательные частицы: 朝不保夕 (*утром не думаешь о вечере*) «жить лишь сегодняшним днем, не думать о будущем».

Сопоставление китайского и русского фразеоморазования [8] показало его не-

разрывную связь с системными особенностями каждого конкретного языка, связь языка и культуры, способность ФЕ отражать материальную и духовную жизнь народа-носителя языка (см. [6; 7]). Все это позволяет лучше понять закономерности и особенности изучаемых явлений, глубже проникнуть в структуру сопоставляемых языков, изучить и осмыслить особенности фразеологического образования каждого из сопоставляемых языков.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : монография. М. : Эллис, 2008.
2. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремология : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2009.
3. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеологического образования. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1977.
4. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д., 1964.
5. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.
6. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894.
7. Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица). М., 1985.
8. Юй Шэмбо. Когнитивно-культурное своеобразие русской и китайской фраземики // Фразеология и когнитивистика : материалы 1-й Международной науч. конф. (Белгород, 4–6 мая 2008 г.) : в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. Белгород : Изд-во Белгород. ун-та, 2008. Т. 2.

Phrase formation as a problem of theory derivatology (based on the Russian and Chinese languages)

There are regarded the questions of comparative phrase formation that have been systemically developed neither in Russian nor in Chinese linguistics. There is an attempt taken to comprehend the essence of such processes of phrase formation as primary and secondary transposition in structural peculiarities of Russian and Chinese phrases.

Key words: *phrase formation, transposition, phrase formation base, phrase scheme.*

Ф.П. ЭБЗЕЕВА
(Черкесск)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В ТОПОНИМИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

На богатом фактологическом материале показано, что в формировании системы топонимов заметное место занимает лексика, связанная с названиями домашних животных. При этом из названий домашних животных довольно часто фигурирует ат – «конь, лошадь», а диких животных – айю / айю – «медведь». Большинство топонимов с ключевым словом-зоонимом – двух- и трехкомпонентные, одно- и четырехкомпонентные – единицы.

Ключевые слова: *топонимика, топонимический ряд, мотивация, подсистема, системность, причина наименования.*

В формировании системы собственных географических названий Карачая и Балкарии заметное место занимает лексика, связанная с названиями животных. Карачаевцы и балкарцы занимают горные части Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, их самоназванием является *таулу* [13, с. 9]. Естественно, что в топонимах в основном отражаются наименования животных, обитающих в горах Карачая и Балкарии. Этот пласт лексики образует подсистему географических названий [3, с. 189] современных Карачая и Балкарии. Из всех названий домашних и диких животных, участвующих в образовании имен географических объектов, слово *ат* (лошадь) занимает ведущее место. Сочетаясь с другими словами, оно образует так называемый топонимический ряд, помогающий созданию системности этой номенклатуры (Там же, с. 12). Причем слово *ат* сочетается с различными словами карачаево-балкарского языка для уточнения той ситуации, которая послужила причиной наименования.

Микротопоним *Ат джол* (конская дорога) появился в связи с тем, что по дороге могли проехать только на лошади. Она является частью дороги Акъ Къая (Скалистый Хребет) близ с. Сары Тюз Карачаево-Черкесской Республики (далее КЧР). По этой дороге сейчас можно проехать и на другом транспорте, но название остается